

Евтушенко С.В., доктор философских наук, канд. искусствоведения, профессор

Харьковский гос. университет искусств имени И.П. Котляревского

ПОКРОВ: ИСТОРИЯ И ЛЕГЕНДА. ПРОДОЛЖЕНИЕ¹

Annotation. Yevtushenko S.V. Intercession: History and Legend. *The analysis' attempt of historical reliability of the statements of a traditional legend about Intercession and basic participants of this "wonderful" event – of king, of empress, of patriarch. Supervision concerning formation and iconography's development of Intercession, of reasons which stimulated "deviations" from the earlier accepted samples.*

Keywords: *legend, verification, iconography, "Intercession".*

Анотація. Евтушенко С.В. Покров: Історія та легенда. *Попытка анализа исторической достоверности утверждений традиционной легенды о Покрове и основных участниках этого «чудесного» события – царе, царице, патриархе. Наблюдения, касающиеся становления и развития иконографии Покрова, причинах, стимулировавших «отклонения» от ранее принятых образцов.*

Ключевые слова: *легенда, верификация, иконография, «Покров».*

Анотація. Євтушенко С.В. Покрова: Історія та легенда. *Спроба аналізу історичної вірогідності тверджень традиційної легенди про Покрову та основних учасників цієї "чудесної" події – царя, цариці, патріарха. Спостереження, що стосуються становлення та розвитку іконографії Покрови, причин, котрі стимулювали "відхилення" від раніше прийнятих зразків.*

Ключові слова: *легенда, верифікація, іконографія, «Покрова».*

Выскажем соображения касательно того, почему именно Проклу выпала честь быть допущенным в число особо привилегированных персонажей «покровских» композиций. Полагаем, дело заключается в том, что, по словам компетентного историка, «при Патриархе Прокле 2 июля 438 года в... Константинополе совершилось событие, значение которого не было в полной мере оценено современниками. И лишь по прошествии нескольких веков стало ясно, что оно было в значительной мере определяющим для судеб византийской цивилизации. В этот день в Константинополь были перенесены из Палестины риза, головной покров (омофор) и часть пояса Божией Матери, где их достойным местохраниением стал впоследствии знаменитый Влахернский храм. Этот торжественный акт сопровождался учреждением особенного празднования – Положения честных Ризы Пресвятой Богородицы во Влахерне, [который] отмечается с тех пор Православной Церковью 2 июля... каждый год. Риза, омофор и пояс Божией Матери стали главными святынями Византии. Они получили всеобщее прославление своими великими чудесами. Пресвятая риза сделалась символом хранения Византии от варваров» [3]¹.

Скажем еще и о Феофиле. Этот «сын и наследник Михаила II, которому предстояло стать одной из самых ярких личностей на византийском престоле, ...был провозглашен соправителем отца в 821 г. в возрасте восьми лет» [1]. Посему и мог быть запечатлен в иконописной композиции ребенком, но и своего рода равноправным партнером отца-императора. Примечательно, что «его крестным отцом был император Лев[V]Армянин», причем, как подчеркивает историк, став властелином империи, именно убитого заговорщиками «покойного Льва V Феофил избрал первым для демонстрации своей справедливости и беспристрастности» [1; 3]. Исследователь отмечает: «Главное затруднение, связанное с фигурой Феофила, для историка состоит в том, что император стал превращаться в полулегендарный персонаж уже через три-четыре десятилетия после смерти, наверняка не без помощи тех достаточно необычных процедур, которые сопровождали его посмертную церковную реабилитацию в 843 г. и нашли отражение в „Повести о прощении Феофила“» [1]. Известно, что Феофил «держал при себе даже в военных экспедициях будущего патриарха Мефодия», впоследствии ставшего одним из ключевых персонажей икон на сюжет «Торжества Православия» [1]². Когда после кончины Феофила, по «основному требованию, выдвинутому императрицей» (вдовой его Феодорой) перед поддержанной ею партией иконопочитателей, «покойный Феофил должен был быть вписан в поминальные диптихи Великой церкви как православный государь и ни в коем случае не фигурировать среди еретиков, подлежащих

Надійшла до редакції 22.03.2010

¹ Начало см. в предыдущем выпуске.

² «В 439 году заботами патриарха Прокла совершилось еще одно перенесение – были перенесены в Константинополь из Колеан святыне нетленные мощи Вселенского учителя Иоанна Златоуста» [3].

анафеме»³, именно «прямота и честность» все того же прославленного защитника икон Мефодия (по мнению историка) позволили последнему выполнить «обязательство перед Феодорой [и] легитимизировать посмертное прощение Феофила» [1]. Мефодий предпринял «все от него зависящее, чтобы сделать это наиболее убедительным для общества образом. [Что] ...было вовсе не так легко, как казалось даже самим византийцам несколько столетий спустя» [1].

Но наступает очередь иного православного иерарха. В относящемся к середине XVIII ст. русском иконописном «Покрове» (о котором тоже судим по электронновоспроизведению) наряду с Константином и Еленой (учитывая надписи над изображениями царственных персонажей) обнаруживаем епископа иерусалимского (в 312/4–333/4 гг.) Макария I, традиционно фигурирующего – неизменно с ними же – в композициях, посвященных празднику Воздвижения Честного Креста [6]. Но, тем не менее, именно Тарасий (если верить едва читаемой надписи) предстает с Константином и Еленой в относящемся к XVIII столетию «северорусском» иконописном «Покрове» из зарубежного частного собрания (Галерея Von Külmer. Дерево, темпера. 68 x 58).

Видимо, как своеобразную дань исторической справедливости – под напором практически свершившегося к концу XIX в. осознания, что императрица Феофания скончалась в 892 г.⁴, тогда как чудо Покрова (по крайней мере, с наступлением XIX ст. и печатными источниками) относится к началу X века, – уместно рассматривать то обстоятельство, что в датируемой 1840–1850 гг. «западно-русской» иконе «Покров» (дерево, темпера), обретающейся в одном из частных собраний Германии, вместе с императором Львом и патриархом Тарасием предстает не Феофания, но императрица Зоя (опять-таки, судя по плохо просматривающейся надписи) [9, с. 928]. Ибо в 903 году четырехбрачный Лев Мудрый был женат уже на своей последней супруге – Зое Карбонопсине [5].

Иное дело – «среднерусская» композиция «Покров», датируемая периодом «Около 1850 г.» и пребывающая в настоящее время также в одном из частных немецких собраний: в этой сцене, наряду с Еленой и Константином, запечатлен уже известный нам патриарх Прокл, меж тем как венценосная деятельность «равноапостолов» опередила его патриаршество почти на столетие. Константин и Елена фигурируют, как представляется, и в чрезвычайно оригинальной композиции на сюжет «Покрова», относящейся к концу XVIII века (подобно большинству упомянутых, известной автору этих строк также по электронному воспроизведению): дело в том, что здесь на Царе – доспехи современника не Средневековья, но эпохи античности.

Коль скоро с 1806 года, по меньшей мере, и вплоть до наших дней официальная церковная традиция без колебаний в качестве по сути бесспорных

действующих лиц иконописных «Покровов» рассматривает Льва, Феофанию и патриарха Тарасия, – уместен вывод, что эти персонажи истории постепенно и как следствие применения – на первый взгляд – «простейшего перебора» заменили ранее предпочитавшихся Константина, Елену и Макария (или иного канонизированного константинопольского иерарха). При этом по времени идентификация «покровских» царя и царицы в качестве Константина и Елены оказывается опережающей передачу тех же ролей Льву и Феофании.

Особым образом задерживает на себе внимание «Покров», вновь-таки известный нам лишь электронным воспроизведением, связанный происхождением с Невьянском (Урал), ныне принадлежащий частному собранию и находящийся в «Музее Невьянской иконы» в Екатеринбурге. В этой композиции (и, на наш взгляд, такое заключение основательно) в качестве патриарха фигурируют не Тарасий, не Прокл и даже не Макарий. Во всяком случае, в доступном нам воспроизведении (с разрешением, не достаточным для уверенного чтения надписей) просматривается довольно длинное имя патриарха, оканчивающееся, всего вероятнее, буквенным сочетанием «дий». (Как царь в этой композиции представлен, по-видимому, Лев Мудрый.) Соответственно, допустимо предполагать в «невьянском» архиерее либо уже известного нам святого Мефодия, патриарха константинопольского в 842–46 гг., возведенного на патриарший престол Феодорой и «для прекращения иконоборческих смут» созвавшего «в Константинополе частный собор (842 г.), на котором восстановлено было иконопочитание и положено ежегодно в первую неделю великого поста совершать торжество православия», либо же святого Геннадия, также патриарха константинопольского – в 458–71 гг., т.е. в царствование Льва I Великого [7, с. 233]. При этом в последнем (он же – первый из императоров, носивших имя Лев) – как и в святом Геннадии – было бы вполне естественным усматривать современника такого Андрея Юродивого, реальность которого допускали Срезневский и Веселовский... Совершенно особый интерес представляет необычный по составу главных персонажей и при этом датируемый XVI столетием «Покров» из собрания петербургского Русского музея, композицию которого буквально повторяет одноименная икона Вознесенского (Софийского) собора г. Пушкин (Ленинградская обл.): здесь нет царя, но, вместе с тем, не без торжественности представлена безымянная Царица (обе иконы, «оригинал» и повторение, известны нам заурядного качества интернет-воспроизведениями). Меж тем, исследователи рассматривают как новацию, впервые лишь XV веком инспирированную, появление в композициях с Покровом «двух фигур, ранее не изображавшихся, – патриарха и императора» [8, с. 314].

Напомним, что, согласно покровской легенде, не на обыденном богослужении во Влахернском храме узрел Андрей Юродивый Богоматерь, но при трагических обстоятельствах смертельной сарацинской угрозы. В какие же периоды собственной истории могли византийцы ожидать нападения сарацин на свой столичный град? Оказывается, что крайние волнения столичным жителям империи сарацинская опасность доставляла не во времена

³ «...Потому, что... боялся, как бы его [сего прославленного у потомков защитника иконопочитания] не использовали в своих целях какие-нибудь заговорщики» [1].

⁴ «В ответ [на это] императрица обязалась восстановить почитание священных изображений» [1].

⁵ В электронных интернет-публикациях встречается, к слову, и иная дата ее кончины – 895/6 гг. [5].

Льва VI, но в пору правления симптоматично вторгавшегося уже в это повествование Льва III: «Историки придают очень большое значение неудаче мусульман в попытке захватить Константинополь [предпринятой ими при Льве Исаврийце]. Лев III своим успехом спас не только Византию и восточно-христианский мир, но также всю западноевропейскую цивилизацию» [2–3]⁵. «Это было последнее, – подытоживает историк А.А. Васильев, – нападение арабов на „богохранимый“ город» [2–3]. А, значит, повествования о некоей роковой сарацинской опасности для Царьграда начала X века, т.е. при Льве Мудром, следует полагать исторически не реалистичными... Тем паче что упомянутая «победа императора Льва [Исаврийца], – по словам А.А. Васильева, – [имела] ...всемирно-историческое значение» [2–3]. Что же до свидетельств жесткого сарацинского давления на Константинополь во времена, на которые ссылается официальная покровская легенда, то, по-видимому, их можно обрести там же, где и истоки «позднейшей исламской легендарной традиции», порожденной бесславно провалившейся при Льве Исаврийце «экспедиции арабов против Константинополя»: упомянутой «исламской легендарной традицией» имя участвовавшего в этой экспедиции Масламы надежно «связывается... с мечетью, которую, как говорит традиция, он построил в Константинополе», в котором, – как свидетельствует уже собственно история, – ему так и не удалось побывать... [2–3]⁶.

Выводы. Представляется более вероятным, что применительно к сюжетике «Покрова» поначалу определились функционально означенные роли-архетипы. А уже затем – явился интерес к их конкретным «олицетворителям». Иными словами, сначала композиционный ансамбль был обогащен образами просто Царя, просто Патриарха и просто Царицы, только после чего они подверглись персонификации, т.е. вместо просто Царя – «явился» Константин Великий (Лев Мудрый), вместо просто Царицы – равноапостольная Елена (Феофания; Зоя), вместо просто патриарха – Герман I (Прокл; Тарасий; Макарий I; Мефодий I; Геннадий I). Наиболее подвижным (неустойчивым) «звеном» этой схемы выглядит сегодня именно образ патриарха.

⁵ «Английский историк Дж.Б. Бьюри [даже] называет [связанный с этим событием] 718 г. „вселенской датой“ (an oecumenical date). Греческий историк Ламброс сравнивает эти события с персидскими войнами в Древней Греции и называет императора Льва [Исаврийца] Мильтиадам средневекового эллинизма. Если Константин IV остановил арабов под Константинополем, то Лев III окончательно заставил их повернуть» [2–3].

⁶ Добавим, заручаясь авторитетом А.А. Васильева, что «после поражения 718 года, арабы при Льве III уже не предпринимали серьезных военных действий против империи, тем более что им стала грозить с севера, по-видимому, со стороны Кавказа, хазарская опасность. <...> Но тем не менее, арабы не были спокойны и, производя свои нападения в Малой Азии, все еще иногда глубоко заходили на запад... В конце своего правления Льву удалось нанести арабам сильное поражение при Акроиноне, во Фригии...). Арабы вынуждены были после этого очистить западную часть Малой Азии и отступить к востоку» [2–3].

Разумеется, вряд ли «новые» имена приходили на смену «старым» в самом деле как следствие простого/случайного «перебора», но, гораздо более вероятно, – как производное становления усложнявшегося, насыщавшегося внутренними логическими связями (причем, едва ли не единичными в случае каждой очередной композиции на сюжет Покрова). Иными словами, как итог обдуманного и большей частью уникального историко-концептуального замысла. Обоснованность данного утверждения можно проиллюстрировать несколькими ремарками. Так, по мнению исследователей, «мифологизация образа [патриарха] Г[ермана] была связана с тем, что патриарх К[онстантино]польский свт. Тарасий... подчеркивал [свою] преемственность именно от Г[ермана], через голову иконоборческих патриархов, рассматривавшихся [им] как незаконно завладевшие священством „лжепастыри“ и марионетки императоров-иконоборцев. В этом смысле огромное значение приобретала фигура Г[ермана] как несгибаемого борца против иконоборчества и последнего законного патриарха до Тарасия» [4]. Системным обстоятельством видится и то, что изображения трех из патриархов, в которых можно предполагать наиболее популярных (для разного времени и в различных контекстах) «исполнителей» роли главного клирика «покровских» композиций, – а именно изображения Германа, Прокла, Тарасия – устойчиво соседствуют, меж иным, в святительских чинах росписей алтарных апсид «каппадокийских храмов», как это характерно, например, для церкви св.Архангелов в Чавушине (963–69 гг.) [4].

Перспективы дальнейшего исследования логично связывать с установлением полных каталожных данных упоминавшихся композиций на сюжет «Покрова», а также с изучением многообразных (вплоть до бытовых) предпочтений эпох, активно использовавших «покровскую» иконографическую лексику.

Литература:

- [Афиногенов Д.Е.] «Повесть о прощении императора Феофила» и Торжество Православия. – М., 2004. Режим доступа к публикации: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Byzanz/IX/840–860/Povest_Feofila/text2.htm.
- Васильев А.А. История Византийской империи. Режим доступа к публикации: www.byzantium.ru/historys.php?id=62.
- Васильев А.А. История Византийской империи. Режим доступа к публикации: http://www.hrono.ru/libris/lib_wel/vaa151.html.
- Герман I // Православная энциклопедия / Под ред. патриарха московск. и всея Руси Кирилла. Т. 11. – С. 254–260. Режим доступа к публикации: <http://www.pravenc.ru/text/164781.html>.
- [Лев VI (биография)] // Проект Хронос. Режим доступа к публикации: http://www.hrono.info/biograf/bio_1lev6filosov.html.
- [Макарий Иерусалимский (биография)]. Режим доступа к публикации: drevo.pravbeseda.ru/index.php?id=10350.
- Мефодий // Энциклопедический словарь / Изд. – Ф. Брокгауз и И. Эфрон. Т. XIX. – СПб., 1896. – С. 233.
- 300-летие дома Романовых / Сост. П. Борзаковский. – Рига, 1990. – (Репринтное издание 1913 г.).
- Феофано // Энциклопедический словарь / Изд. – Ф. Брокгауз и И. Эфрон. Т. XLIA. – СПб., 1904. – С. 928.